

Татьяна Охитина

ПЕТРОВНА

бабуля-попаданка

Татьяна Охитина Петровна. Бабуля-попаданка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67267595

SelfPub; 2025

Аннотация

Бодрая пенсионерка Петровна, торгующая на рынке овощами, внезапно попала в другой мир, полный магии и интриг. Там ее уже поджидали... Не имея возможности вернуться, она пытается выжить в недружелюбной среде, чудом обходя ловушки, обретая новых друзей и не забывая старых.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1. Странный день	4
Глава 2. Дивный новый мир	9
Глава 3. В поисках ясности	21
Глава 4. Обустройство	30
Глава 5. Незванный гость	40
Глава 6. Бабуля	44
Глава 7. Петровна выходит в люди	50
Глава 8. Зельеварка	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Татьяна Охитина Петровна. Бабуля- попаданка

Часть первая

Глава 1. Странный день

Петровна шла по улице, мрачно глядя под ноги. Позади поскрипывала тележка с овощами. Скрип действовал на нервы, и она принялась вспоминать, куда положила пузырек с машинным маслом, но потом плюнула на это дело и решила зайти к подруге Валентине – у нее наверняка найдется. Та, даром что зрение было не очень, зарабатывала прибавку к пенсии шитьем и продажей сумок. Авоськи в последнее время стали популярны даже у молодежи, и Валентина на жизнь не жаловалась. Когда-то она работала швеей и теперь строчила их не глядя, так быстро, словно волшебной палочкой махала.

Петровна шить не умела, зато у нее имелся клочок земли с тепличкой и несколькими грядками недалеко от дома – с лета и до конца осени вместе с такими же дачниками-пенсио-

нерами она торговала овощами на стихийном рынке у супермаркета. Валентина со своим добром сидела там же, справедливо рассудив, что где урожай, там и сумки.

Петровна любила свой маленький бизнес – можно и поболтать, и отдохнуть, и денег заработать. Компания на рынке сложилась крепкая, не каждый был хорош, но большинство терпимы.

Конечно, порой они несли потери – возраст не шутка, здоровье не железное. В прошлом году их покинул Степаныч, шустрый мужичок, продававший мед. Хороший был медок, почти не разбавленный, да и сам Степаныч тоже ничего – дружелюбный, бодрый.

Этим летом недосчитались Серафимы. Не то чтобы кто-то сильно убивался об этой вздорной бабище, но ее уход лишний раз напомнил о неизбежном, а это хорошего настроения не добавило. Хотя без Серафимы и ее вечной ругани всем стало только лучше. Самой Петровне уж точно, поскольку склочница торговала по соседству.

Теперь рядом обосновались Макарыч и Валентина. С Валентиной всегда приятно поболтать, а Макарыч, хоть и конкурент, цены ставил выше, из-за чего покупатели сметали с прилавка Петровны всё подчистую. После чего наступал его звездный час, в дело шли профессорская внешность и самоуверенный вид – огурцы у него были не просто огурцы, а экологически чистый продукт без добавок и ГМО, а помидоры становились элитным сортом с повышенным содержани-

ем ценных веществ. Макарыч не был профессором, он был библиотекарем и очень любил читать, что играло ему на руку – редкие, но серьезные покупатели забирали его товар быстро и не мелочась. Петровна с Валентиной, каждый раз наблюдая этот спектакль, не переставали удивляться артистическому таланту соседа.

Вот и сегодня, двигаясь к супермаркету, Петровна ожидала чего-то подобного. На сердце словно камень лежал, настроение с самого утра было паршивым, хотелось поскорей его исправить. Однако у магазина ее ждал сюрприз, и крайне неприятный, – Валентины на месте не оказалось. Это было странно, поскольку в это время та всегда находилась здесь. Макарыч на вопрос «где?» только развел руками, остальные тоже оказались не в курсе. И только спустя пару часов, когда к рабочему месту, потирая поясницу, подтянулась главная сплетница Егоровна, выяснилась причина лежащего на сердце камня.

– Так уехала она, – уверенно произнесла опоздальщица. – К сыну.

– К какому сыну, что ты несешь? – возмутилась Петровна, точно зная, что никакого сына у Валентины нет.

– А к такому! Сынок ейный вчера объявился, он ее и забрал. «Нечего, – говорит, – мамуля, тебе в нищете прозябать, теперь я стану о тебе заботиться». И забрал. Да-да! Я сама его вчера видела. Видный такой, высокий, глазастый, – при этих словах Егоровна почему-то поморщилась и потерла ви-

сок, словно у нее внезапно разболелась голова.

– Да откуда у нее сын-то? – рассердилась от такой дикости Петровна.

Валентина всю жизнь прожила старой девой, да и самой Петровне детей бог не дал, хоть и замужем побывала.

– Откуда-откуда, – передразнила Егоровна. – Дети – дело нехитрое. Родила, да и в детдом сдала. А он вырос и объявился.

– Ну ты по себе-то не суди! – возмутилась такому поклепу Петровна. – «Детдом»! Валентина на такое не способна!

– Ой, ну надо же, – Егоровна уперла руки в боки. – Да много ты знаешь!

– Да уж побольше твоего!

– Тихо, тихо, девочки, – вклинился между ними Макарыч. – Остыньте. Что вы раскипятились? Может, она еще придет.

– Не придет, – мстительно произнесла Егоровна, – не ждите, – и, задрвав подбородок, принялась выкладывать на прилавок свои дурацкие помидоры.

С трудом поборов желание вцепиться в ее седые космы, Петровна шумно выдохнула и нехотя принялась доставать свой товар. Настроение стало совсем гадким.

Покупатели, чувствуя это, обходили ее прилавок стороной. А те, что осмеливались подойти, в результате уходили ни с чем.

Спустя пару часов, поняв, что находиться здесь больше не

в силах, она ссыпала овощи обратно в сумку и отправилась домой, решив первым делом зайти к прогульщице Валентине и узнать, куда ее черти засунули.

До дому она не дошла. Дорога была привычной, поэтому под ноги Петровна не глядела, топала и топала под звук скрипящего колеса...

Внезапно она обо что-то запнулась, мир совершил кувырок – и темнота накрыла сознание вместе с ускользающей мыслью «ну вот и конец».

Глава 2. Дивный новый мир

Мир кружился. Петровна открыла глаза и, борясь с подкатившей к горлу тошнотой, попыталась сфокусировать взгляд... Когда бешеное кружение замедлилось, ей наконец-то это удалось. Понять, где она находится, оказалось сложнее.

Маленькое темное помещение выглядело грязным и запущенным. На исчерченном мелом полу горели свечи, по углам залегли глубокие тени. У дальней стены сидел тощий замызганный мальчишка лет двенадцати с выпученными от страха глазами.

Сама Петровна лежала посреди комнаты, прямо на перекрестье линий, тележка громоздилась поблизости. Паршивое колесо все-таки отлетело и нагло валялось перед самым носом. «Да чтоб вас всех...», – мысленно ругнулась она.

– Где я? – произнесла вслух. Вид у мальчишки сделался еще более перепуганным. Петровна попыталась подняться, однако попытка провалилась. – Эй, мальчик, ты так и будешь там сидеть? – возмутилась она. – Может, сможешь бабушке? – Паренек вздрогнул, но с места не сдвинулся. – А ну иди сюда, паршивец! – рывкнула Петровна, вспомнив годы работы в детском саду нянечкой. И присовокупила: – Живо!

Прием подействовал безотказно, мальчишку словно подбросило, он кинулся к ней... но в нескольких шагах остано-

вился, будто налетел на невидимую стену. Петровна уже и руку протянула, но тщетно, мальчишка мялся, жался, а ближе не подходил. Поняв, что дальше орать бессмысленно, она, крихтя, принялась подниматься самостоятельно. Порадовалась, что вместо юбки сегодня надела бриджи – сверкать трусами перед малолеткой было бы совсем позорно.

Когда поднялась, бриджи оказались полностью измазаны мелом. К счастью, хотя бы на цветастой кофте мел был почти не виден. Отряхнувшись насколько возможно, она подобрала отвалившееся колесо и, сунув его в карман, подняла тележку. Завязки у сумки не подвели – все овощи остались на месте. Подхватив колченогую таратайку, двинулась к мальчишке.

Тот побледнел, попятился, наткнулся на стену, и, взвизгнув, плюхнулся на корточки, закрывая голову руками.

– Да что с тобой такое? – Петровна растерялась. Оставив коляску, подошла ближе и наклонилась, легонько тронув его за плечо. – Эй, ты чего? Не бойся, я тебя не съем. – В ответ на ее слова мальчишка вздрогнул и обмяк, потеряв сознание. – Ну всё, приехали, – она посмотрела на бездыханное тело. – И что теперь делать?

Подозрительная комната, лежащий в беспомощности ребенок – в такую ситуацию она еще не попадала. Вздохнув, она принялась приводить мальчишку в чувство. После четвертой пощечины тот наконец открыл глаза, уставился мутным взглядом, прошептал: «Бабушка», – после чего, придя в себя,

попытался отползти, но Петровна не позволила – вернула на место и учинила допрос.

Поняв, что сжирать его заживо прямо сейчас никто не собирается, Алмус немного успокоился – возможно, ему повезло, и существо, которое он извлек из другого мира, это не беталисса. Несмотря на двойку по иным сущностям, он точно помнил, что беталиссы к разговорам не склонны, разве что в компании сородичей, перед тем как соберутся поесть. Он захватил арканом только одно существо. Схон сказал, что это будет человек, но мог и соврать. Вдруг это беталисса, а штукавина с ручкой – ее сородич-метаморф, и сейчас он разинет пасть, и они со «старушкой» ка-а-ак накинутся!..

В этот момент «бабуля» и впрямь потянулась к своему «мешку на колесиках», дернула за веревочку и запустила руку в раскрытую пасть.

Алмус издал вопль ужаса и снова попытался отключиться, но ему не дали, тряхнув за плечо.

«Совсем плох, – подумала Петровна, запуская руку в сумку. – Может, его тут голодом морят? Вон какой тощий». И, передумав доставать помидор, принялась искать под овощами пакет с бутербродами. Достав заветный сверток, развязала мешок и, отлепив кусок хлеба с маслом и сыром, протянула мальчишке.

– На-ка, пожуй.

Мальчишка ошарашенно посмотрел на бутерброд, затем на Петровну, нервно сглотнул и, наконец, робко протянул руку. Взял, понюхал, а затем осторожно откусил с краешка.

– Ешь, не бойся. Не отравлено.

Мальчишка поперхнулся.

«Бедняга, – подумала Петровна, хлопая его по спине, – беспризорник, наверное. Сирота, ни кола ни двора, спит под забором, питается на помойках». Сама Петровна с такими детьми не сталкивалась, зато одна из нянечек рассказывала. Тогда эти рассказы ее не впечатлили, мало ли у кого какая жизнь, но сейчас, когда один из таких бедолаг сидел напротив, ей стало не по себе. Захотелось отдать ему и второй бутерброд, но она вовремя опомнилась – пока неизвестно, где она оказалась, нельзя разбазаривать стратегический запас. Впрочем, мальчишке и одного бутерброда хватило. Доев, он немного успокоился.

– Ну что, – произнесла Петровна, – давай, рассказывай, что за ерунда тут происходит, и как я здесь оказалась, – парень посмотрел на нее настороженно, не торопясь отвечать. – Ладно, – решила Петровна, – давай, ты расскажешь, а я тебя за это угощу помидоркой. Она достала из сумки сочный гладкий плод, нарочно самый крупный выбрала.

– Расскажу! Я все расскажу! – в ужасе завопил мальчишка, не сводя взгляда с помидора.

Это был конец. Уж лучше бы это оказалась беталисса –

они сжирают своих жертв быстро, практически мгновенно. А вот гортеры любят поедать по частям, оставляя пищу в живых долгие месяцы. У них для этого есть помощники-симбионты, которых гортеры таскают с собой и скармливают потенциальной жертве. Картинка из учебника возникла перед глазами Алмуса во всех подробностях: рядом с кучкой больших красных шаров лежала раздувшаяся от их поедания жертва. У «бабули» симбионтов имелся целый мешок. Всесветлые Небеса, притащить в свой мир гортера – большее невезение трудно себе представить! Тут можно посочувствовать не только себе, но и миру, которому придется расхлебывать его, Алмуса, головотяпство еще очень долго. Если вообще получится расхлебать.

– Ну? – произнес гортер в ответ его заминку, – я слушаю, – красный шарик по прежнему находился в его руке, и Алмус прилип к нему взглядом, не в силах вымолвить ни слова. «Бабуля»-гортер вздохнула и... внезапно впиалась в симбионта зубами. Откусила, брызнув алым соком, и принялась жевать. Сочно, с удовольствием. Этого разум Алмуса вынести уже не смог и снова отключился.

Да что же такое с этим мальчишкой? Петровна доела помидор и, вытерев руки о бриджи (все-равно грязные), снова принялась приводить беднягу в чувство. Это ж надо, так ребенка довести, что он то и дело в обморок падает.

Когда мальчишка открыл глаза, она, решив больше его не

мучить, протянула ему помидорку. Тот взвыл, отшатнулся, впечатавшись затылком в стену, и снова потерял сознание.

Нет, это уже ни в какие ворота не лезло. Петровна решила оставить мальчика в покое и действовать самостоятельно. Она встала, еще раз обошла комнату, подергала дверь, и тут ей в голову пришла интересная догадка. Подойдя к по-прежнему лежащему без чувств парнишке, она принялась проверять его карманы. Короткие стоптанные сапоги тоже могли хранить секреты – мало ли что можно туда засунуть – но этот этап поисков она решила оставить напоследок.

Куртка из грубой ткани, похожей на мешковину, ее не порадовала – в ней удалось найти лишь огрызок бумаги с какими-то каракулями и схемой, похожей на звезду. Зато в кармане штанов обнаружился ключ, подошедший к входной двери. Приоткрыв ее, Петровна осторожно выглянула.

За дверью оказалась крутая лестница, ведущая наверх. И оттуда, сверху, шел свет.

Петровна принялась карабкаться по ступеням, стараясь не шуметь. Сделать это на скрипучей лестнице было непросто, но она старалась. До цели добралась усталая, еле дыша, словно с полными сумками до автобуса пробежалась. Подождав, пока перестанет шуметь в ушах, приблизилась к приоткрытой двери и наострила уши.

Из-за двери не доносилось ни звука, словно с той стороны никого не было.

Приободренная этим фактом, Петровна сделала щель по-

шире, а потом и вовсе высунулась наружу.

Взору предстал обшарпанный коридор с раздолбанной тумбочкой, на которой стоял засохший цветок в уродливом глиняном горшке. Дальше по коридору находилась какая-то комната, разглядеть которую было сложно, как и понять, есть ли в ней кто-нибудь из людей. Чутье, которое обычно не отказывало, утверждало, что комната пуста, как и остальная часть дома. Выглядело жилище на редкость заброшенным, словно хозяева давно его покинули.

Все также стараясь не шуметь, Петровна отправилась на разведку,

Предусмотрительность оказалась излишней – дом действительно оказался пуст. Но совершенно точно обитаем – в раковине на кухне обнаружилась грязная кружка с остатками непонятной жидкости, на столе – брошенный впопыхах носок, а на подоконнике в щербатой кружке – пучок зеленой травы. Бардак и пылица намекали на то, что мальчишка жил здесь один. Другой вопрос – как такое допустили органы опеки? Впрочем, стоило выглянуть в окно, как этот вопрос тут же сменился другим, более насущным – «где я?!»

Петровна считала себя женщиной бывалой, с крепкими нервами, но от увиденного ей стало не по себе – срочно захотелось присесть, а еще лучше – проснуться. Подтянув к себе табуретку, она грузно плюхнулась на нее, с трудом переводя дух. Отдышалась, а затем вновь уставилась на странный мир по ту сторону стекла.

Окно выходило в заросший травой двор, за невысоким забором виднелась дорога, по которой как раз в этот момент лошадь тянула телегу, полную глиняных горшков. Мужик, который правил лошадьё, выглядел так, словно сошел с полотна древней картины. Двухэтажный дом по ту сторону дороги со свисающим на улицу бельем вызывал те же чувства. «И помои из окон выливали» – всплыло в голове Петровны. Средневековые какое-то. Словно в дополнение ее мыслей, за забором прошла парочка местных кумушек в чепцах и с кошелками – их темные юбки, жилетки со шнуровкой и фартуки, сразили наповал. Мужик, который прошел следом, тоже выглядел допотопно. Только кошка оставалась кошкой – мелкая серая «дворянка», вскочив на забор, бросила равнодушный взгляд на Петровну и потопала по штакетнику дальше, задрвав хвост. «Может, это фильм снимают, или карнавал какой-нибудь проходит?» – мелькнула спасительная мысль.

Единственный, кто мог дать ответ, валялся без чувств в подвале. Петровна уже хотела отправиться за ним, когда мальчишка, жмурясь и покачиваясь, сам появился в дверях кухни. Вздрыгнул от неожиданности, увидев, что не один, хотел сбежать, но ему не дали.

– А ну-ка живо иди сюда! – рявкнула Петровна. – Сейчас же рассказывай, что это за дичь! – она указала на окно.

Образ суровой нянечки сделал свое дело – мальчишка перешагнул порог и с опаской остановился недалеко от выхода, готовый в любой момент броситься прочь.

– Вы кто? – спросил он осторожно.

– Конь в пальто, – ответила Петровна. К испугу на лице мальчишки добавилась озадаченность. Это уже совсем никуда не годилось. – Зинаида Петровна, – представилась она. И неожиданно для себя добавила: – можешь звать меня баба Зина, – никому из детей она никогда не позволяла такой вольности.

Мальчишка почему-то напрягся еще больше.

Алмус вконец растерялся – он читал про баббароков, буккалонов, иттазинов, и баббов, но вот бабазины ему ни в одной книге не попадались. Первые три были духами-паразитами и питались мозгами, четвертый – мифическое существо из мира туманов – пил кровь лягушек и змей. Чем питались бабазины он и предположить не мог, но очень надеялся, что не человечиной. Все-таки странный мир ему попался. Если бы не обстоятельства, можно было бы поизучать.

Тем временем гостя (язык не поворачивался назвать ее пленницей) поинтересовалась, как его зовут. Называть свое имя был страшно, мало ли как работает магия у этих бабазинов, но долг вежливости пересилил, и Алмус представился, после чего все-таки спросил:

– Я правильно расслышал, вы бабазина, а не баббарока? И получив утвердительный ответ, сопровождающийся почему-то сочувственным взглядом, поинтересовался: – А чем вы питаетесь?

Мальчишка явно был не в себе. Или это последствия от удара головой?

– Кстати, о питании, – произнесла Петровна, – ты бы сумку-то мою принес. Ту, что в подвале осталась, – идея отправить в подвал ударенного головой ребенка была не слишком хороша, но снова спускаться в это странное место она не стала бы ни за какие коврижки, а овощи и сумку было жалко. Вид у мальчишки сделался совсем несчастный. – Ладно, – вздохнула Петровна. – Можешь просто напоить меня чаем. От бутерброда или какой-нибудь еды я бы тоже не отказалась, – она еще раз окинула взглядом бомжеватую кухню и добавила: – если у тебя есть, конечно.

Судя по поникшему взгляду мальчишки, догадка оказалась верной – в доме шаром покати.

– Ладно, я схожу, – обреченно произнес он, поднимаясь. – А что это за красные штуки в сумке?

– Станный вопрос, – уставилась на него Петровна. – Ты что, помидоров никогда не видел? Овощи такие, в огороде растут, – пояснила она, изображая руками куст со свисающими плодами. И тут же спохватилась, что тот сейчас сбежит с перепугу.

– А ну-ка стой... точнее, сядь. Расскажи-ка мне, Алмус, для начала, что это за ерунда там, за окном, творится.

Мальчишка посмотрел на нее озадаченно, затем, подошел к окну и выглянул на улицу, а потом, обернувшись произнес:

– Тут такое дело... Как бы вам объяснить...

Этот бегающий взгляд Петровна отлично помнила еще со времен работы нянечкой. И всегда, абсолютно всегда он сулил одно – крупные неприятности. В нынешнем случае он тянул на десять баллов из десяти.

– Ну ты уж постарайся, объясни как-нибудь, – мрачно произнесла она.

Легко сказать «постарайся», – подумал Алмус. Он только успел немного успокоиться, решив, что бабазины – это какой-то человеческий подвид, раз питаются овощами, а значит эта пожилая женщина вряд ли станет его пожирать, во всяком случае, сейчас. А потом это будет уже не его проблема. И даже решил, что красные штуковины из ее сумки, наверное, стоит попробовать, раз уж сама бабазина до сих пор жива. Но этот вопрос...

Как объяснить ей то, чего он и сам до конца не понимал (из-за чего и лишился места в магической школе, завалив экзамен). Объяснять ей про искривление пространства и разрывы материи, создающие перекрестье миров? Про переходы? Про охотников? Или, может, рассказать про запрещенный аркан, узнав о котором, стражи мигом потащат его на суд, а оттуда – на рудники, из которых он уже не вернется?

И все из-за глупого отчаяния – не надо было соглашаться на предложение Схона, лучше бы и дальше получать тумачи в трактире, чем вот так молчать и не знать, что ответить ста-

рушке, которая, между прочим, ничего плохого не сделала и теперь справедливо желала знать, в какую передрыгу попала. Алмус сжал кулаки – что ж, виноват, значит придется расхлебывать – и решил рассказать правду. Точнее, часть правды, оставив кое-что на потом. Так, на всякий случай.

Глава 3. В поисках ясности

Петровна молчала, чувствуя, как тает призрачная надежда с каждым, сказанным мальчишкой словом. Ужас произошедшего накатывал, словно волна на песок, оставляя за собой пену эмоций, которые, не успев исчезнуть, дополнялись новой волной. «Кажется, в сумке был валидол», – подумала она. Но тут Алмус огорошил ее новой порцией информации, и мысль о таблетках отодвинулась на потом.

«Нет, не дождетесь! – подумала Петровна. Умирать в незнакомом мире она не собиралась. Не для того выжила в перестройку и боролась за место под солнцем, чтобы вот так бесславно сдохнуть в каком-то дурацком мирке. – Нет уж, – подумала она, пока мальчишка вываливал на нее новые шокирующие подробности, – не бывать этому! Зинаида Петровна Иванова этому миру не по зубам! И не такое переживала!»

Собрав волю в кулак, она молча переварила информацию, а затем заявила притихшему Алмусу:

– Понятно. А теперь марш за моей сумкой, живо!

«Что же такого ценного в ее сумке, раз она так о ней беспокоится?» – спросил себя Алмус, торопливо спускаясь в подвал. И по дороге обратно, пыхтя под тяжелой ношей, тоже думал, но только безрезультатно.

В сумку он, конечно, заглянул, но ответов не нашел. Об-

наружил помимо так называемых помидоров еще какие-то длинные зеленые штуки, трогать их не рискнул, вдруг ядовитые. И лишь на последних ступеньках его пронзила мысль, ужасная в своей простоте.

Задышавшись от ужаса, он рванул на кухню... но, вместо самоубитого тела, обнаружил Бабазину, деловито расставляющую на столе посуду.

– А вы это чего? – растерялся Алмус.

– Чего-чего, обедать будем, – она забрала сумку. – Сейчас салатика нарежу. У тебя соль есть?

– Да, вон там, – Алмус указал рукой на покосившийся настенный шкафчик. Бабзина с брезгливостью потянула за ручку и, обзрев содержимое, осуждающе произнесла:

– Да, подзапустил ты хозяйство, дружок. Ужас прямо. Ну да ничего, дело поправимое, после обеда разберемся. Нож у тебя где?

– В ящике стола, – не без опаски ответил Алмус и на всякий случай отошел поближе к двери.

Опасения оказались напрасными – метать режущие предметы Бабзина не стала, занялась нарезкой, и вскоре выставила на стол большую миску с кусочками овощей (зеленые длинные штуки тоже оказались съедобными). Бабзина спросила масла, его в доме не оказалось, но и так обошлись.

Не без опаски приступил Алмус к обеду. Однако вид жующей старушки его успокоил, и он рискнул попробовать.

Незнакомая пища оказалась хороша.

– Ну а теперь, дружок, время уборки, – сообщила Бабазина, когда тарелки опустели. Неси ведро, тряпку – и вперед. Если уж ты притащил меня в этот мир, изволь создать человеческие условия, иначе в этой грязище я задохнусь.

Алмус почувствовал, что съеденная пища вот-вот попросится обратно. Ему стало так стыдно за свою подлость и малодушие, ведь главного доброй старушке он так и не рассказал. Она и не знает, что пребывать в этом доме ей придется совсем недолго. «А может, не отдавать? – спросил он себя. – Соврать Схону, что аркан не сработал, вернуть задаток, и пусть отвяжется. А Бабазина останется здесь. Хотя кого я обманываю? Соврать Схону! Да этот тип ложь насквозь видит. Если поймет, что его обманули, то всё, конец. Нет, это не вариант». Алмус нахмурился, пытаясь найти решение, однако Бабазина расценила ситуацию по-своему.

– И нечего так недовольно сопеть. Насвинячил – убирай.

«Она права, – подумал Алмус. – Я должен исправить свою ошибку и привести всё в порядок. Чего бы мне это ни стоило».

– Что это ты там бормочешь? – подозрительно спросила старушка.

Глядя как мальчишка неумело прибирает дом, Петровна пыталась осмыслить произошедшее. Ну и угораздило же влипнуть: магия, другие миры, арканы какие-то... бред, да и

только. Вот только вид за окном утверждал обратное – весь этот бред, к сожалению, был реальностью. Петровна даже вышла на крыльцо, такое же замызганное, как и всё в доме, потрогала траву возле ступенек – вымахала та знатно, прямо лес густой, а что за вид – непонятно, и быстренько вернулась в дом, когда увидела показавшегося в конце улицы прохожего.

– Вы лучше не выходите пока, – выглянув из гостиной, испуганно произнес Алмус.

– Почему это? – насторожилась Петровна.

– Ну, мало ли, – ответил тот, отводя взгляд. – В глаза бросаесть.

Мальчишка был прав, но что-то в его словах все-равно смущало.

Петровна зашла в гостиную поверить, что он там наубирал. Понаблюдала немного как он вытирает грязь с подоконника, вздохнула и тоже взялась за тряпку, поручив мальчишке мыть пол. Такими темпами как он работал, уборка грозила затянуться на века. Да и грязные разводы помещение совсем не украшали.

С ее участием работа пошла быстрее – мальчишка приободрился, и пол вымыл вполне приемлемо.

– Молодец, можешь, если захочешь, – закончив протирать пыль, Петровна присела отдохнуть, наблюдая, как он домучивает последний кусочек.

Мебель в комнате выглядела старой, но вполне доброт-

ной. Чувствовалось, что ее делали основательно, с душой. И ухаживали бережно, пока единственным хозяином не остался ребенок. А тот уж справлялся как мог. Точнее, как получалось.

Все-таки подростки одинаковые, в любом мире, подумала Петровна, вспомнив, как однажды, уезжая в отпуск,пустила пожить племянника. Тот за две недели так уделал квартиру, что пришлось обои переклеивать и занавески менять. Петровна вздохнула, сейчас родной мир казался таким далеким, а ведь еще сегодня утром она пила чай у себя на кухне, с булочками, которыми накануне угостила Валентина. А несколько часов назад ругалась у магазина с Егоровной – эта ссора выглядела сейчас такой мелкой по сравнению с нынешней ситуацией. Эх, надо было внимательней посмотреть под ноги по дороге домой, тогда, может, ничего бы и не случилось.

Петровна снова вздохнула. Вот если бы можно было закрыть глаза, а потом открыть – и ты снова дома. Но нет. Первым делом она спросила мальчишку, может ли он вернуть ее обратно – тот скуксился и признался, что нет. Вранье от правды она отличать умела, особенно если дело касалось детей, поэтому надежды увидеть дом у нее не было. «Так, не раскисать, – приказала она себе. – Что-нибудь придумаю. На худой конец обустроюсь и здесь».

Насчет «здесь» информации было мало, о странном новом мире Петровна знала лишь то, что здесь существует магия и возможность залезать в чужие миры. Про себя маль-

чишка тоже ничего толком не рассказал, как и про то, зачем выкрал ее из дома и притащил сюда. Для каких целей? «Может ему стало грустно и одиноко?» – промелькнула мысль, которая, впрочем, быстро развеялась – ну не походил этот Алмус на того, кто жаждет заботы взрослых. Вполне самостоятельный ребенок, хоть и запущенный.

Петровна взглянула на него оценивающе: да, если его отмыть, причесать и переодеть, накормить булками и вареньем – или что там любят внуки? – то будет нормальный домашний мальчишка, а не замызганное чучело.

Большого желания вживаться в роль бабушки она не ощутила. Не то чтобы мальчишка ей не нравился. Нет, нормальный ребенок. Тревожило то, что он упорно что-то скрывал, прятал взгляд, делая вид, что все нормально. И вызывал этим очень противоречивое отношение – с одной стороны Петровне он даже нравился, чуть-чуть, самую малость. Было в нем что-то такое искреннее, незащитное, что вызывало расположение. Но эта его молчанка сводила на нет все положительные эмоции. В детсадовскую бытность Петровне такие встречались. Сложные были дети, но даже их при желании можно раскусить. Чем она и решила заняться, когда, закончив с гостиной, они переместились в прихожую.

Алмус терпеть не мог уборку, но сейчас ему даже нравилось мыть, тереть и чистить – хоть какой-то способ отвлечься от мучающих мыслей. Что делать с Бабазиной он пока не ре-

шил. Стоило рассказать ей правду, но как это сделать, чтобы и не прибила случайно, этого он не знал. В решительности этой бабули он уже успел убедиться, отдраивая дом.

Бросив тряпку в ведро, он отер со лба пот и посмотрел на результаты своих трудов. Прихожая стала выглядеть гораздо лучше: засохший цветок перекочевал в чулан, забрав с собой часть умершего прошлого, а пол, светло-ореховый на вымытой половине, внезапно кольнул воспоминанием из детства – кажется, даже свежим пирогом запахло, что пекли в доме по выходным. По чистому светлому полу было так здорово бегать босиком, прыгая по квадратам солнечного света, падающим из окошка над дверью. Окошко это давно заколочено, да и пирогов никто не печет. А жаль, хорошее было время. Видимо поэтому рука и не поднималась выбросить засохший цветок.

Алмус вздохнул и снова взялся за тряпку.

– Когда я была маленькая, – произнесла Бабазина, протирая тумбочку, – мы с родителями жили в деревне. Свой дом, огород, корова... рядом был лес, мы там ягоды собирали, грибы... Хорошее было время. У меня был брат, младший, забавный такой. И сестра старшая, вечно нами командовала. Но так-то она была ничего, хорошая. А у тебя кто-нибудь есть?

Алмус на секунду замер.

– Нет, никого.

Он продолжил орудовать тряпкой, поймав себя на том,

что трет слишком сильно.

– Сочувствую, – произнесла Бабазина. – Плохо, когда братьев-сестер нету. Что случись – и всё. Давно ты один живешь?

«Не скажу!» – хотел крикнуть Алмус, но чувствуя себя виноватым, все же ответил:

– Третий год.

– Боже мой, – Бабазина остановилась и, развернувшись, посмотрела на него сочувственно, – Да что же за мир у вас такой?! Тебе же лет всего ничего, как ребенок может жить один? Кто-то же должен за тобой присматривать!

– Не надо за мной присматривать! – возмутился Алмус. – Я и сам справлюсь! И вообще, мне тринадцать уже, взрослый!

– В тринадцать лет взрослыми не бывают.

– А я взрослый! И никакие присмотрщики мне не нужны! – от возмущения Алмус даже тряпку бросил.

– Тогда зачем ты меня сюда притащил?

Алмус открыл рот... но вовремя остановил рвущиеся наружу слова. Заинтересованность на лице Бабазины сменилась сожалением. Или ему это показалось?

– Ну вот скажи, что я буду здесь делать? Не верю я этим твоим рассказам про любопытство. Не такой ты мальчик, чтобы подобные глупости творить. Признайся, тебе просто стало одиноко, и ты хотел, чтобы у тебя появился рядом кто-то из взрослых, способный о тебе позаботиться? – голос Ба-

базины звучал так спокойно, по-доброму, что слова, разбив преграду, стрелою вонзились в сердце. Алмус всхлипнул и, не выдержав, бросился прочь... но оказался пойман сильными мягкими руками и заключен в объятия, где и разрыдался, словно глупый ребенок, и рассказал всё, наплевав на последствия.

Глава 4. Обустройство

Валидол Петровне все-таки пригодился. Сунув таблетку под язык, она попыталась спокойно осмыслить сказанное. Хотелось наподдавать малолетнему балбесу, но доверие терять было нельзя, поэтому сдержалась. К тому же, чувства ее были весьма противоречивыми – она не только злилась, но и жалела глупого запутавшегося ребенка, вообразившего себя взрослым. Как бы она сама поступила на его месте – одна, без возможности с кем-либо посоветоваться? Возможно, нашла бы еще более дурацкий вариант. В свои тринадцать она творила и не такое. Если бы не родители и старшая сестра, может, она и не сидела бы здесь сейчас. Хотя, кто знает, что было бы лучше.

По рассказу Алмуса, ее «извлечение» заказал местный работорговец. Официально работорговля в королевстве запрещена, поэтому все происходило по-тихому, в обход властей, в чем Петровна, в отличие от наивного мальчишки, сильно сомневалась. А всему виной магия, с помощью которой и обтяпывались темные делишки: умельцы выдергивали людей из других миров и превращали их в бесплатную рабочую силу. Очень удобно – никто не ищет, никто тревогу не бьет, делай что хочешь. Сам используй или продай – отличный способ обогащения. А если подловят на горяченьком, так сам заказчик рук не марал, всю грязную работу сделали за него

такие вот маги-недоучки типа Алмуса или взрослые, сидящие на мели. Чего не сделаешь ради денег, когда их нет. Если верить мальчишке, он еще долго держался, отказывался до последнего, но, когда погнали с работы, где и так платили гроши, ничего другого не осталось.

Теперь Петровну должен забрать заказчик, когда Алмус отправит ему письмо, сообщив, что работа сделана.

Мальчишка поклялся, что никакого письма отправлять не станет, но на вопрос о неустойке снова заюлил. Потом признался, что конкретного срока исполнения нет, так что можно успеть что-нибудь придумать. Это давало шанс выкрутиться. И теперь, глядя на то, как старательно виновник отмывает кухню, Петровна раздумывала о том, что бы такое предпринять, чтобы вывести мальчишку из-под удара и самой остаться в живых.

– Что, у тебя, совсем никаких родственников нет? – спросила она. – Дяди, тети какой-нибудь? – мальчишка вздохнул и покачал головой. – Бабушек? Дедушек? – последовал еще один тяжкий вздох.

– Нету. Отец был последним из рода. Мамина родня тоже умерла. Последняя родственница – бабушкина сестра из Берстолии – умерла в прошлом году.

Схватив за хвост мелькнувшую идею, Петровна скрестила пальцы на удачу и произнесла:

– А кто-нибудь здесь, в твоём городе, знает, что она умерла?

– Э-э... нет, – Алмус глянул озадаченно, а потом до него дошло. На лице появилась улыбка.

– Да, может получится, – обрадовался он. – Только... вам придется очень хорошо притворяться.

– Можешь не беспокоиться, – усмехнулась Петровна, – справлюсь. Лучше расскажи мне о вашем мире поподробней. И одежду какую-нибудь найди, чтобы я за здешнюю сошла.

– О, это запросто, у меня бабушкиной одежды целый сундук!

Бросив тряпку, он схватил Петровну за руку и потащил на второй этаж.

Комнат наверху оказалось три. Одна, родительская, стояла закрытая, вторая принадлежала Алмусу, в третьей, ныне тоже закрытой, раньше жила бабушка.

Судя по количеству пыли в бабулином обиталище, мальчишка не заходил сюда несколько лет. Серый бархатистый налет ковром покрывал пол, кровать, низенький столик с гнутыми ножками и массивный кованый сундук. Оставляя в пыли цепочку следов, Алмус направился к сундуку, отпер замок и распахнул крышку.

– Вот, – произнес он с гордостью.

Петровна ожидала, что из сундука вылетит куча моли, но этого не произошло. Приблизившись, она заглянула внутрь. Взгляду предстали темные свернутые деяния, поверх кото-

рых покоились здоровенные кожаные сапоги. Полная неприятных предчувствий, она аккуратно выгрузила их на пол, после чего извлекла лежащую под ними вещь.

Развернула и ужаснулась. Спрашивать, какой размер одежды носила усопшая, было бессмысленно – темно-бордовый жилет из ткани, похожей на драп, мог с легкостью подойти взрослому бегемоту. Впервые за последние годы Петровна почувствовала себя Дюймовочкой. Не зря, ох, не зря Валентина пыталась научить ее шить – вот и пришла пора воспользоваться уроками.

– Так, мне нужны иголка, нитка и ножницы, – мысленно содрогаясь от объемов предстоящей работы, произнесла Петровна. О том, что результаты ручного труда всякий раз выглядели чудовищными, она предпочла не думать.

– Зачем? – удивился Алмус. – Можно же так, – он сделал неопределенный взмах рукой.

– Ну знаешь ли!.. – возмутилась Петровна, представив себя в этом чудовищном наряде. – Я в этом парашюте на улицу не выйду!

– Да зачем? – растерялся мальчишка. – А что такое «парашют»?

Вскоре Петровне представилась возможность убедиться, что мальчишка не такой уж неумеха, каким казался до сих пор. Бегемотские одеяния, которые он уменьшил с помощью магии, стали почти впору. «Цвет и фасон, конечно, ужасные,

но сейчас не до жиру, – сказала себе Петровна, облачаясь в обноски. – И попасть на рынок рабов в этом прикиде намного меньше шансов».

– Неплохо, – с некоторой заминкой вынес вердикт мальчишка и протянул ей сапоги. В уменьшенном виде смотрелись они уже не такими страхолюдными.

– Ну, хорошо, – кое как смирившись с чудовищным новым видом, произнесла Петровна, – с одеждой разобрались. Теперь мне нужна комната. Бабушки в гостиной не живут.

– Верно, – вздохнул Алмус. – Тогда вам придется жить здесь. Это бабушкина спальня, – и торопливо добавил: – Я все уберу! И пол вымою, и пыль вытру!

Петровну передернуло. Комната была настолько пропитана усопшей старушкой, что, казалось, и сама хозяйка тоже незримо присутствует здесь. От этого никакая уборка не спасет.

– А другой комнаты у тебя нет? – без особой надежды спросила Петровна.

– Только родительская. Но там вам точно не понравится.

Спрашивать «почему» желания не возникло. Она чуяла, что это как раз тот случай, когда «меньше знаешь – крепче спишь». Да и какая, в сущности, разница, какую из комнат покойников занимать.

– Ладно, – произнесла она, – уборка так уборка. Но советую поторопиться, я устала и хочу отдохнуть. Мне все-таки не тринадцать.

И Алмус быстренько ускакал за ведром.

Понимая, что один мальчишка будет копать долго, она тоже взялась за дело – принялась вытирать пыль.

Работа отняла последние силы – руки и ноги у Петровны уже отваливались, а про поясницу и говорить нечего. «А врачей в этом варварском мире наверняка нет», – прокрадась подлая мыслишка, но тут же была отринута по причине неподходящего момента.

Потом они чистили и вытряхивали покрывало и коврик, который обнаружился под слоем пыли. В результате комнатка приобрела вполне уютный вид (если выбросить из головы мысль о покойнице).

Заминка вышла с постельным бельем – чистого комплекта в доме не оказалось, а Петровна, которая за сегодняшний день и так превысила свой порог терпимости, напрочь отказалась спать на белье, на котором умерла бабуля. К счастью, Алмус вспомнил, что постель после этого перестилали, и вопрос наконец решился. О том, правду ли говорит мальчишка, Петровна старалась не думать.

Тем более, что до сна стоило решить еще кое-какие вопросы. А именно – на что жить. Вряд ли полторы тысячи российских рублей хоть что-нибудь значили в этом мире, а у мальчишки, судя по рассказу, и того не было. Оставалось вспомнить свой опыт выживания и как-то адаптировать под нынешние условия.

А еще – организовать ужин.

Но для начала требовалось хоть немного отдохнуть, и Петровна прилегла на кровать, дав отдых усталому телу.

– Если нет денег, надо их заработать, – заявила она. – Или что-то продать, – «например, меня, работоторговцу», – мелькнула ехидная мысль.

– Я уже продал все, что мог, – сидящий на сундуке Алмус вздохнул, – остальное не берут. Да и жалко.

– А что у тебя есть? – поинтересовалась Петровна. – Ну, то что не берут, я имею в виду.

Мальчишка задумался.

– Да ерунда всякая, – признался он. – Я бы тоже не взял. Книжек немного, какие-то старые настойки бабушкины...

– Не старые, а выдержанные, – оживилась Петровна, чувствуя, куда дует ветер. – А книги – это вообще букинистическая ценность. Бешеных денег стоить могут.

– Да какое там, – махнул рукою Алмус.

– Какое-какое, да ты просто торговать не умеешь, – возмутилась Петровна, подсакивая с постели. Пойдем-ка оценим наши... твои владения.

– Ну пойдёмте, – пожал плечами мальчишка. – Хотя чего там оценивать? А, да сами увидите, – покинув сундук, от двинулся прочь.

Петровна отправилась за ним. На пороге не выдержала и оглянулась – взгляд в спину был таким явственным, что между лопатками зачесалось. «Нервишки разыгрались, не иначе, – подумала она, оглядывая пустую комнату, – неувиди-

тельно при таких-то приключениях».

Особого богатства в закромах Алмуса обнаружить не удалось. Из съестного нашлись только мешочек с мукой да кувшин с картофельным порошком, которому мальчишка обрадовался, как лучшему другу, и пообещал приготовить чудесный ужин.

Зато несъедобного Петровна откопала немало: целый ящик флакончиков с вонючими жидкостями, горшок с какой-то мазью отвратительного вида, кучу книжек непонятного содержания, гору каких-то камней, завернутых в бумагу (Алмус долго чесал в затылке, но так и не смог объяснить, что это такое), старый баул со множеством застёжек, полный сухой травы, три ржавые лопаты, огромный ботинок и плед, от которого воняло.

Всё, кроме последнего, выглядело перспективно. Отослав Алмуса готовить ужин, она занялась предпродажной подготовкой, решив для начала рассортировать добытые сокровища, а потом уж придумать, как их представить в наиболее выгодном свете, чтобы сбыть с максимальной выгодой. Задача предстояла интересная, и Петровна, потеряв руки приступила к ее решению с большим энтузиазмом.

Отвлек ее аромат, от которого тотчас потекли слюнки. Она поняла, что зверски проголодалась, отложила ботинок и поспешила на кухню.

– Вот, – улыбающийся Алмус указал на тарелку с жареной

картошечкой, – прошу к столу!

– Сейчас, – не в силах оторвать взгляд от этого гастрономического пиршества, произнесла Петровна, – только руки помою.

Когда она мыла руки, тарелка по-прежнему стояла перед глазами, дразня поджаренными кусочками и заставляя сглатывать слюну.

Словно во сне, наскоро вытерев руки, Петровна под села к столу, взяла вилку и, наколов на нее золотистый ароматный кусочек, отправила в рот и зажмурилась.

– Божественно, – произнесла она. – Кто тебя научил так готовить?

– Да это не я, это магия, – засмутился мальчишка. – Я только заклинание к картофельному порошку применил. А сам он уже готовый.

– Значит, ты талантливый мальчик, – подытожила Петровна, окончательно его засмущав.

– Да не, я так, не очень, – тихо признался он. – Талантливых с учебы не выгоняют.

Петровна усмехнулась.

– Да ладно. Всякое бывает.

– Это как? – удивился мальчишка.

Ответ получить не успел – дверной колокольчик сердито звякнул, после чего раздался уверенный и настырный стук в дверь. Бледнея на глазах, Алмус посмотрел на Петровну, словно ища у нее помощи.

Та поняла его без слов.

– Ну что ж, иди открывай. И предупреди наглеца, что бабушка, которая к тебе приехала, не любит лишнего шума.

Осторожно, словно хрустальную, Алмус положил вилку на стол и вышел из кухни.

Глава 5. Незванный гость

Аппетит резко пропал. Проводив мальчишку до двери, Петровна ушла в гостиную. Разложенные на полу богатства немного успокоили ее душу. Чтобы хоть чем-то себя занять, она взяла в руки ботинок и стала прислушиваться к разговору.

Голос гостя, низкий и резкий, неприятно давил на слух. Мальчишка что-то отвечал, пытаясь выглядеть дерзко, но неуверенность в голосе все-равно сквозила. Понимая, что лучше не высовываться, Петровна принялась вертеть ботинок из стороны в сторону, разглядывая грязные бока, словно хотела отыскать на нем какие-то знаки, способные помочь.

Громкость голосов резко усилилась, послышались тяжелые шаги, и в гостиную, словно к себе домой, ввалился высокий тип с тяжелым взглядом и брезгливым выражением на лице. Уставился, скривив губы. Этой наглости Петровна простить не смогла, точнее, не захотела.

– Кто это такой? – игнорируя пришельца, спросила она у Алмуса. – И почему он вламывается в наш дом? – ботинок в ее руке угрожающе качнулся.

– Бабушка, это... это...

– Достаточно, я вижу, кто это. Отныне я запрещаю тебе общаться с людьми, которые не умеют себя вести в чужом доме и даже не научились здороваться, когда входят. О по-

чтении к пожилым людям я уже не говорю, – она наконец обратила свой взор на вошедшего и звенящим от негодования голосом, указав на дверь, воскликнула: – Вон отсюда, наглец!

Лицо гостя пошло пятнами, он впился тяжелым взглядом, словно хотел прожечь в ней дыру. Разозлившись еще больше, Петровна тряхнула ботинком и, сама от себя не ожидая, рявкнула:

– Прокляну!

Наглец дернулся и пулей вылетел из комнаты. Еще через секунду в прихожей оглушительно хлопнула дверь, и наступила тишина.

Петровна и Алмус молча смотрели друг на друга, не смея ее нарушить. Затем мальчишка хихикнул, и напряжение начало спадать. Еще один робкий смешок, и вскоре они уже хохотали вместе, смакуя особо удачные места.

– Я думал, что он на вас заклятье наложит, – признался Алмус позже, за столом, когда они уселись доедать свой остывший ужин.

– А он мог? – удивилась Петровна.

– Конечно! Он сильный маг. Но, кажется, вы сильнее.

Петровна поперхнулась.

– Я этими вашими штучками не владею, – произнесла она. Осознание того, что могло бы произойти окатило ее волной страха.

– Ой, рассказывайте, – махнул рукой Алмус. – Вы так ис-

кусно блокируете магию, что не можете ею не владеть.

– Чего? – Петровна замерла, так и не донеся вилку до рта. – Ничем я не владею.

– Да ладно вам, Бабазина. А как вы в подвале через силовые линии пентаграммы прошли? Вам же там обездвиженной лежать полагалось, а вы раз, встали и вперед. Я чуть с перепугу не умер!

– Да какие силовые линии? Там только мел был, – совсем растерялась Петровна.

– Мел – это проводник для силы, – явно повторяя заученную формулировку, произнес Алмус. – Вы что, ничего не чувствовали?

– Нет. А что я должна была чувствовать?

– Барьер, стену, которую нельзя перейти... Ну или хотя бы покалывание.

– Да не было там ничего, что ты мне голову морочишь!

– А в комнате, когда Схон вас проклясть пытался, скажете, тоже ничего не почувствовали?

– Ну почему же, почувствовала, – Петровна снова начала злиться, вспомнив высокомерную рожу.

– Ну вот! – обрадовался Алмус.

– Почувствовала, что еще немного – и он получит грязным ботинком по морде!

Мальчишка захлопал глазами и совсем растерялся.

– Но как... Даже я почувствовал энергию заклинания. Как же вы тогда его отразили?!

– Никак! – буркнула Петровна. – Глупости и ерунда эти ваши заклинания!

– Вы бы моим родителям это сказали, – как-то уж слишком мрачно усмехнулся Алмус, улыбка погасла на глазах.

– Они были магами?

– Нет, магия их убила.

Пришел черед замолчать Петровне.

– Сочувствую, – только и смогла ответить она.

Картошку они доедали в тишине.

– Как думаешь, он нам поверил?

– Не знаю, – Алмус вздохнул. – Время покажет.

Визит незваного гостя забрал все силы, и разбор находок Петровна решила отложить до утра. Мальчишка, хоть и бодрился, но тоже еле на ногах держался от усталости. Поэтому оба отправились спать. И теперь, ворочаясь на чужой постели, Петровна никак не могла уснуть. А уснуть хотелось – в глубине души она надеялась, что вот проснется завтра – и обнаружит, что снова дома, а вся эта безумная история приснилась.

Она уже почти уснула, когда почувствовала, что на край кровати кто-то сел. «Переволновался мальчишка, – подумала она, открывая глаза, – тоже уснуть не может». И вздрогнула, не веря глазам.

Глава 6. Бабуля

На краю кровати сидела пожилая призрачная женщина, одетая то ли в саван, то ли в ночную рубашку, из-под чепца выбивались длинные седые пряди. Бабушку Алмуса, Галкею, Петровна узнала сразу – лицо ее было таким же, как на портрете из сундука. Сложно не запомнить такой выразительный колючий взгляд, от которого бегут мурашки. Вот и теперь покойница смотрела так, словно хотела проделать дыру.

– Вам чего? – рассердилась Петровна. Что за мир?! Никакого гостеприимства!

– Самозванка! – прошипела старуха, угрожающе протягивая руки. Длинные тощие пальцы были унизаны кольцами, которые тускло светились.

– От самозванки слышу! – не осталась в долгу Петровна. – Твой внучок меня сюда притащил, ему и выговаривай! Смотри-ка, деловая нашлась. Да мне ваш мир даром не сдался! – от возмущения она даже села.

Старуха неожиданно успокоилась.

– Да знаю я, знаю, – она вздохнула. – Маленький он еще, глупый. Не может один без присмотра. А тут еще я ушла. И без того задержалась больше возможного, а теперь вот, застряла тут, в комнате. И все зря – меня он не видит, не слышит, да и не заходит сюда почти, а я по дому не могу передвигаться, даром что всё вижу и слышу. Обидно так, – по

призрачной щеке, оставляя серебристую дорожку, скатилась слеза. – Ай, да ладно, чего жаловаться, – старуха махнула рукой. – Я же чего предложить хотела, – проведя рукой по щеке, она повернулась к Петровне, – если уж ты здесь оказалась, то уж присмотри за моим внучком. Тебя-то он видит, в отличие от меня. И послушается. А я буду тебе помогать, подсказывать что да как. Да и в мире нашем помогу освоиться. Он-то ребенок, взрослой жизни не знает, да и в женских делах не разбирается. Ну, что скажешь?

Петровна задумалась. Посмотрела на ждущую ответа женщину. И согласилась.

– Вот и славно! – обрадовалась та, даже светиться стала сильней. – Тогда отдыхай, силы нам еще пригодятся, – и растаяла, словно сон.

После этого разговора Петровна думала, что не уснет, однако уплыла в царство Морфея сама не заметив как.

Утром Галкея объявилась снова. Сразу после завтрака, когда Петровна решила переодеться в местную одежду, чтобы хоть чуть-чуть к ней привыкнуть. И сразу начала возмущаться.

– Нет, нет и нет! Уважающая себя женщина нижние юбки так не носит!

– Уважающая себя женщина вообще не напялит на себя этот кошмар, – буркнула Петровна, выпуская подвернутую юбку на нужную длину. – Как вы вообще это все носите? А

главное, зачем?

– Чтобы теплее было. И удобней. Где у тебя кинжал?

– Чего? – Петровна уставилась на нее во все глаза. – У вас тут что, партизанская война? Какой кинжал?!

– В сундуке посмотри, – не отреагировала на ее выпад Галкея, – да нет же, это держатель для прически... А это от сапога оторвалось. Вон там, под пелериной... Нет? Тогда пошарь на самом дне... Да нет же, это зажим для волос, сверток ищи! – от нетерпения она принялась притопывать на месте. А когда удалось откопать завернутую в холстину штукювину, на лице разлилось умиление. Развернутая ткань явила на свет небольшой ножичек, спрятанный в чехол с ремешком. – Ах, мой дорогой кинжальчик, как я по тебе соскучилась! – воскликнула Галкея. – Посмотри какая прелесть, Зиночка! Это мне покойный супруг подарил, сладких ему снов за небесными вратами. Ах, сколько всего я пережила с этим кинжалом! – вид ее сделался мечтательным.

– Да зачем он нужен-то? – насторожилась Петровна. Мир за окном не выглядел настолько агрессивным, чтобы махать оружием.

– Как зачем?! – возмутилась Галкея. – А хлеба нарезать? А коренья нужные откопать? А нос утереть завистницам?

Утирание носа кинжалом сразило Петровну наповал. Галкея, видя ее лицо, решила все-таки прояснить ситуацию.

– Видишь ли, Зинаида, в нашем мире каждая уважающая себя женщина должна всегда быть на высоте. И не только за-

ботиться о семье и хозяйстве, но и иметь достойный статус среди себе подобных. Мы не часто пользуемся кинжалами на людях, но если уж приходится, то оплошать не должны. Кинжал – это статус, и мой супруг позаботился о том, чтобы меня воспринимали как женщину достойную, обеспеченную и уважаемую в своей семье. Теперь, – на ее лице возникло возвышенное выражение, – я передаю этот кинжал тебе. Пользуйся с умом. И не потеряй. А то изведу!! – от последней, выкрикнутой прямо в ухо фразы, Петровна подпрыгнула.

– А давай я его вообще надевать не буду, – произнесла она, с опаской глядя на блестящий металл со сверкающим на рукоятке камнем. Она всегда недолюбливала ножи, поэтому идея таскать эту острую штукину, пристегнутую к ноге, ее совершенно не грела.

– Надо, Зина, надо, – Галкея бросила прощальный взгляд на кинжал. – Бери, пока разрешаю. Без него у тебя в нашем обществе приличного статуса не будет.

– Да что, мне кто-то под юбку будет заглядывать?

– Кинжал не под юбкой, он в сердце и в голове.

Содрогнувшись от представленной картины, Петровна сдалась и, пристегнув под коленом кожаный ремешок, поправила юбку.

– Ну вот, – удовлетворенно произнесла Галкея, – совсем другое дело!

Петровна посмотрела в зеркало, не заметила никаких перемен, кроме того, что лицо приобрело нервное, напряжен-

но-брезгливое выражение. «Ну что ж, если это то, что надо для здешнего мира, то да, я в отличной форме».

К счастью, к остальной части гардероба Галкея сильно придирааться не стала, и Петровна решила, что пережитые мучения – это не самая большая цена за нужную информацию.

Перетащив в комнату ящик с безымянными пузырьками, вооружившись бумагой и карандашом, она принялась составлять опись под чутким руководством бывшей хозяйки фармацевтических богатств.

Список оказался небольшим, но вдохновляющим – снотворное, омолаживающее и эликсир жизни. Бабуля Алмуса оказалась травницей, все эти зелья варила сама, и все они до сих пор были годными. Если над ними немного поработать.

Сделать это предстояло самой Петровне, поскольку призрачная бабуля ничего, естественно, сварить не могла, зато обещала подсказать и помочь. Ободренная словом «немного», Петровна согласилась.

Алмусу, по просьбе Галкеи, про бабулю она рассказывать не стала. Уверила его, что умеет обращаться с травами и могла бы проверить эликсиры лично, будь в доме комната с котлом и ингредиентами. Мальчишка с некоторым сомнением, но все же отвел ее в бабушкин кабинет, и Петровна принялась за дело.

Насчет «немного» Галкея, конечно же, приврала – стоять у котла пришлось весь день, и к вечеру Петровна не чуяла

под собою ног. Зато обновленные зелья, подписанные и в протертых бутылочках, заняли свое место в ящике. Вместе со стопочкой инструкций.

На ужин была все та же волшебная картошечка, но на этот раз Петровна так устала, что даже не почувствовала вкуса. Поела и завалилась спать, собираясь прямо с утра отправиться на рынок.

Глава 7. Петровна выходит в люди

Вчерашний день дал о себе знать – утром Петровна проснулась разбитая и без сил. «Ну а что ты хотел, – ответила она Алмусу, когда тот обеспокоенно спросил, всё ли с ней в порядке, – я уже не девочка, годы – дело такое. Да ничего, не переживай, сейчас сходим в город – развеюсь».

Поход в город и впрямь подействовал освежающе. Сразу после того, как она едва не попала под лошадь. Случилось это почти сразу после выхода из дома, поэтому дальше она шла уже собранная и бодрая, глядя во все глаза на странный новый мир. Вначале ей казалось, что она попала на киностудию, где снимают исторический фильм – кареты, каменные дома, мостовые из булыжников, люди в странных одеждах – все это выглядело чужим и ужасно древним. Но при этом все это было таким живым и настоящим, каким бывает только в жизни. На улицах пахло долетающими из лавок ароматами колбасы, хлеба, нестиранным бельем, грязным сортиром и еще много чем, в зависимости от того места, мимо которого они с Алмусом проходили. Помои на голову им тоже почти вылили, стоило свернуть в переулок – узкий проход между жмущимися друг к дружке домами. К счастью, руки у держателя горшка оказались кривые, и все пролетело мимо.

Риск оправдался – переулок вывел прямо на рыночную площадь, до которой, по словам Алмуса, в ином случае при-

шлось бы топать и топать.

В маленьком городке и рынок оказался невелик – размером со средний супермаркет. Петровна ожидала большего. Часть деревянных прилавков пустовала. Петровна с Алмусом неторопливо прошли между рядами. Алмус – с любопытством, Петровна – прицениваясь и приглядывая место.

Торговали здесь всем вперемешку: тележные колеса соседствовали с пирожками, от запаха которых у Петровны тут же побежали слюнки и вспомнилась подруга Валентина. Однако уже на следующем лотке на нее мертвыми глазами уставилась отрубленная свиная голова с лежащими рядом конечностями, и аппетит пропал.

– Рыба! Свежая рыба! – гаркнул торговец с прилавка напротив, взмахнув вонючей чешуйчатой тушкой, и Петровна потянула Алмуса дальше.

Беглый осмотр показал, что зельями на рынке почти не торгуют (ряды с бутылками местного алкоголя не в счет). Поэтому, найдя свободное место в конце одного из рядов, Петровна забрала у Алмуса сундучок, водрузила на прилавок и, открыв крышку принялась ждать своего часа.

Час настал очень скоро – какая-то любопытная кумушка с корзиной наперевес, из которой торчали перья зеленого лука и кусок окорока, притормозила рядом с прилавком.

– Невероятный эффект, – слегка подавшись к ней, многозначительно изогнув бровь и понизив голос, произнесла Петровна. – Берите, не пожалеете.

– Приворотное? – заинтересованно спросила та.

– Лучше, – все также многозначительно произнесла Петровна.

– Эликсир богатства? – глаза женщины сверкнули.

– Лучше, – посмотрев по сторонам, еще более таинственным голосом произнесла Петровна.

На лице женщины вспыхнуло понимание.

– Да вы что! – вскрикнула она, прикрывая ладонью рот. – Тот самый?!

– Да! – заявила Петровна, гордо подняв подбородок. – Тот самый!

– Беру два! – не спрашивая о цене воскликнула женщина и, достав кошель, протянула Петровне две золотые монеты. – Этого хватит?

Петровна задумалась, понятия не имея, сколько должно стоить «это».

Покупательница, расценив ее заминку по-своему, присокупила еще одну золотую монету. После чего выхватила из рук растерянной, но старательно держащей лицо Петровны два бутылка и, радостная, исчезла.

– Что она купила? – спросил Алмус, наблюдавший за происходящим со стороны.

– Понятия не имею, – честно призналась Петровна.

Пока она размышляла, что лучше сделать – сбежать, пока обманутая покупательница не вернулась и не побила или остаться, к ней подошла еще одна кумушка и негромко по-

интересовалась, есть ли еще «то самое зелье».

– Какое «то самое»? – на голубом глазу поинтересовалась Петровна. – У меня большой выбор, – она обвела рукой открытый ящик.

– Ну, то самое... – замялась потенциальная покупательница, с жадным любопытством обводя взглядом ряды торчащих из ящика пузырьков.

– А-а-а, то самое, – сдалась Петровна, поняв, что хитрюгу не расколоть. – Конечно, есть.

Кумушка полезла в кошель и положила перед Петровной одну золотую монету. Петровна приподняла бровь. В компанию к золотой добавились две серебряные монеты. После чего, спрятав в ладони заветный пузырек, счастливая покупательница упорхнула.

Уступив место двум новым, за которыми маячили еще три озабоченные кумушки.

Однако насладиться богатством Петровне не дали. Не успел поток страждущих иссякнуть, как возле прилавка возник унылый тип в сером мундире, с коротким жезлом в руках.

– Торгуем незаконными зельями? – произнес он лениво.

– С чего это вдруг «незаконными»? – возмутилась Петровна. – Обычные нормальные зелья.

– А у меня другая информация. Что здесь? – сомнительной чистоты палец указал на полупустой ящик с флаконами.

– Снотворное, омолаживающее и эликсир жизни, только

и всего.

Проверяльщик скривился. Наклонил жезл набалдашником вниз, и вырвавшимся оттуда красным лучом, похожим на лазерную указку, провел по стоящим на прилавке бутылкам. После чего скривился еще больше.

– Ну допустим. А разрешение на торговлю есть?

– Есть, – Петровна достала бумажку с подписью и печатью и протянула ему с видом победительницы. Помня свою прошлую торговую жизнь, она первым делом поинтересовалась у бабки Алмуса, нужен ли для торговли какой-нибудь документ, и у Галкеи как раз такой нашелся.

Тип в сером мундире брезгливо взял бумажку, развернул, пробежался взглядом, и лицо его стало еще скучней.

Но тут в глазах его вспыхнул огонь.

– А лицензия от гильдии зельделов?! – торжествующе воскликнул он.

Петровну прошиб холодный пот – этого она не предусмотрела. Да и откуда ей было знать, что тут есть какие-то гильдии-шмильдии. Впрочем, непредвиденных обстоятельств в ее торговой практике тоже хватало. Из всех существовал универсальный выход, который она и решила применить.

– Конечно, – уверенно произнесла она. Достала бумажку с инструкцией, завернула в нее пару золотых монет и протянула проверяющему.

Тот, не особо церемонясь, вытряхнул монеты на ладонь, посмотрел на них, развернул бумажку и произнес:

– Зрение у меня шалит, а почерк неразборчивый. Может, это не лицензия, а подделка?

– Могу зелье для зрения предложить, – возмущенная такой наглостью, ответила Петровна.

– Точно, подделка. Позову-ка я стражу, – он сделал вид, что уходит.

– погоди, да вот же она! – Петровна схватила второй рецепт и ссыпав в него почти все монеты, протянула вымогателю, мысленно желая ему непроходящей диареи.

Тот нехотя принял конверт, взвесил на руке для верности и произнес:

– Ну вот, другое дело. Трудись дальше, бабуля, я рядом.

После чего, сунув добычу в карман, исчез в толпе.

«Вот как надо деньги-то зарабатывать», – мрачно подумала Петровна, глядя ему вслед. После набега поганца денег почти не осталось. Покупательницы, которых спугнули столь грубым образом, больше не появлялись, и в результате пришлось отправиться домой с жалкими крохами в кармане.

Впрочем, на то, чтобы купить хлеба и овощей их хватило. «Ну, ничего, – утешила себя Петровна, – добуду я эту дурацкую лицензию. И вот тогда...»

Глава 8. Зельеварка

– Точно, – Галкея хлопнула себя по призрачному лбу, – про лицензию от гильдии-то я забыла! Да, беспорядок. Она именная, тебе свою получать придется. Тут я, к сожалению, помочь не могу. Хотя... – она выдержала драматическую паузу, – могу научить тебя варить зелья. Сдашь экзамен и станешь полноценной зельеваркой. Как тебе идея? – взгляд ее был полон радостного возбуждения. – Это же так здорово! У тебя и доход будет, и статус, и уважение в обществе!

– Ну не знаю, – Петровна посмотрела на нее с сомнением. – А эта ваша магия здесь не нужна? А то я ею не владею.

– Не хочешь – так и скажи, – показательно обиделась бабка. – Так и скажи: ты, мол, Галкея, видом не вышла меня учить, что с тебя взять, с покойницы. А то сразу «магии нету», ерунду всякую городишь!

– Да не ерунду! И не думаю я, что ты покойница... тьфу, что видом не вышла. Глупости какие! Ну нет у меня никакой магии, в нашем мире ее не существует!

– Нет, это ты говоришь глупости! Не было бы в тебе магических способностей, ты бы сейчас со мною не разговаривала. Вон внучок мой, даром что мальчишка способный, но ведь не видит меня, не хватает ему силушки. А ты вон, – бабулька махнула рукой, – и видишь, и слышишь, и вообще... – Что «вообще», она разъяснять не стала, поспешив, как по-

казалось Петровне, быстренько закрыть тему. – Так что, можешь сказать прямо: «Не хочу»!

– Да я бы, может, и не против, но мне уже семьдесят, куда тут новому учиться.

– Всесветлые боги! – Галкея воздела руки к потолку. – Семьдесят ей! А зелья долголетия тебе на что? Да семьдесят – это детский возраст! Ты знаешь, сколько лет я на свете прожила? Двести семьдесят шесть! Ну, почти... через три дня бы исполнилось. А она – «семьдесят»! Зельеварки очень долго живут, так что тебе сплошные плюсы, еще и здоровье поправишь.

– А долго учиться-то? – спросила Петровна. Лед сомнений еще не тронулся, но уже изрядно трещал.

– А это уже от тебя зависит, насколько серьезно отнесешься. Возьмешься крепко да основательно, то и полгода хватит, чтобы лицензию получить. А будешь так, на досуге, для развлечения, то и в сто лет не уложишься. Ну, думай, стоит ли мне на тебя время тратить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.